

КОГДА И ДЛЯ КОГО БЫЛ СОСТАВЛЕН ПРОЕКТ ТУРГЕНЕВСКОЙ «КОНСТИТУЦИИ» (И. С. ТУРГЕНЕВ, А. И. ГЕРЦЕН И АРТУР БЕННИ)

Документ, о котором пойдет речь, чудом сохранился в парижских бумагах И. С. Тургенева.¹ Впервые на его существование указал выдающийся французский славист Андре Мазон, издавший в 1930 году описание архива писателя, книгу, не потерявшую своего значения по сей день.² За внешним оформлением небольшого переплетенного томика в сафьяновом корешке и в обложке, обтянутой узорчатой, цвета граната тканью, следует подробное изложение содержимого; его ученый с полным основанием определил как «лес, в котором трудно найти дорогу».³ Мазон назвал эту тетрадь «Записной книжкой с черновыми набросками», обозначив крайние даты ее заполнения: «С февраля 1857 по июль 1863».

Начальная дата выставлена на обороте форзаца, где читаем: «9 фев<раля> 1857. / Делаво взял: / Стихотворения Некрасова / XI № Совр<еменник>а / XI № Биб<лиотеки> для Чт<ения>. — / Русск<ий> вест<ник> — ? —». Под этой записью очень странный рисунок — голова бородатого мужчины, лежащего на спине на подушке. Глаза его закрыты — он либо спит, либо мертв. Но самое странное в том, что лицо мужчины удивительно напоминает лицо Тургенева. Неужели еще один автопортрет?

Под портретом не менее странная надпись: «Anstett. / Balzer». Запись привела в замешательство Мазона, который отметил: «Эти два слова загадочны. <...> Идет ли речь о Frau Anstett, которая сдавала меблированные комнаты в Баден-Бадене, на Шиллерштрассе 277?»⁴

В указанную тетрадь вошли: черновая рукопись «Поездки в Полесье», завершенная 26 февраля (10 марта) 1857 года в Дижоне, где Тургенев провел несколько дней вместе с Л. Н. Толстым; записанные тут же, в Дижоне, план и черновая редакция статьи «Гамлет и Дон-Кихот», она будет закончена лишь 28 декабря 1859 (8 января 1860) года в Петербурге («Писано с большими перерывами», — пометит Тургенев здесь же); «прибавленная сцена» к рассказу «Петушков», датируемая Мазоном расширительно — между 1860 и 1862 годами, и, наконец, черновая редакция повести «Призраки», оформленная, как это обычно делал Тургенев, с титульным листом, где отмечались даты начала и окончания работы: «ПРИЗРАКИ. / Фантазия. / Задумана весьма давно, в 50-х годах, начата тоже давно. / Кончена в Бадене, в субботу, 1/13-го июня 1863 г. / Ив. Тургенев».

¹ Bibliothèque nationale de France (далее — BNF). Slave 88: Tourguéniev. Manuscrits parisiens XV.

² Mazon A. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguéniev: notices et extraits. Paris, 1930.

³ Ibid. P. 57. Здесь и далее перевод мой. — Н. Г.

⁴ Ibid.

Особенность этой тетради состоит в том, что ею Тургенев пользовался с двух сторон. Восстанавливая хронологическую последовательность заносимых в тетрадь текстов, Мазон установил, что во время работы над статьей «Гамлет и Дон-Кихот» писатель обращается к новым замыслам — повести «Ася», начатой 30 июня (12 июля) в Зинциге и завершенной 15 (27) ноября 1857 года в Риме; отвлекается на письмо «Из-за границы» (закончено 19 (31) декабря 1857 года⁵) для журнала «Атеней», которое сам аттестует как «глупейшее»; набрасывает списки персонажей повести «Первая любовь» и романа «Накануне». Здесь же находится зачин повести «Довольно», всего два листа, с позднейшей записью перед текстом: «Начало: „Довольно“. — См. — в другой тетради» и первоначальным заглавием: «Несколько писем / без [конца] начала и конца». Именно в этом месте происходит «смычка» между двумя частями «двухсторонней» черновой тетради, а две наиболее пессимистические повести («Призраки» и «Довольно») замыкают круг замыслов и черновых набросков этого самого, пожалуй, насыщенного в творческом отношении периода жизни писателя. Недаром между обозначенными выше крайними датами заполнения тетради в гранатовом переплете лежало создание трех романов — «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Отцы и дети», а также повестей «Ася», «Первая любовь», «Призраки» и «Довольно». Характерно, что в этой тетради оказался и первый набросок будущего романа «Дым».

Нас, однако, сейчас интересует не творческая история перечисленных произведений, а документ, помещенный между статьей «Гамлет и Дон-Кихот», завершенной, как уже сказано, 28 декабря 1859 (9 января 1860) года, и «Прибавленной сценой к Петушкову», как сам писатель назвал этот отрывок позднее (первоначальное его заглавие — «Сцена в П<етушков>»). Вообще в тетради все черновые наброски были впоследствии просмотрены и, если не имели первоначального заголовка, пояснены, — свидетельство того, что писатель дорожил даже черновыми и незавершенными текстами, причем большинство из них с авторской пагинацией.

Интересующий нас текст, однако, авторской пагинации не имеет и первоначально не имел названия.⁶ Просматривая впоследствии тетрадь, Тургенев записал над ним: «Проект адреса Государю, писанный в 1860-м году», при этом пояснил: «Он был вручен Бенни — но впоследствии истреблен».⁷ Первые опубликованный в первом Полном собрании сочинений и писем И. С. Тургенева в 1962 году (серия «Письма», раздел «Официальные письма и деловые бумаги»), документ (не вполне корректно) был охарактеризован как черновое письмо к Александру II и датирован в соответствии с собственноручной авторской записью 1860 годом.⁸

Текст представляет собой сильно правленный черновик и не имеет подписи. Под ним, очевидно позже и вряд ли случайно, наискосок записан столбиком ряд фамилий: Лангевич, Падлевский, Нарбут, Тачановский, Езерянский,⁹ Чаховский. Предположение А. Мазона о том, что сюда попали фамилии

⁵ BNF. Slave 88. F. 47.

⁶ Ibid. F. 16 v. — 17 v.

⁷ Ibid. F. 16 v.

⁸ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1962. Т. 4: Письма. 1860–1862 / Подг. текста и комм. Е. И. Кийко. С. 393–395, 648–652. Во втором академическом издании как текст, так и комментарии перепечатаны без изменений: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 4. С. 400–492, 676–679. Далее ссылки на второе издание Полного собрания сочинений Тургенева даются в тексте с указанием в скобках номера тома и страницы арабскими цифрами.

⁹ Во втором Полном собрании сочинений и писем эта фамилия почему-то исправлена на «Езерский» (П 4, 679).

людей, подписавших адрес,¹⁰ было справедливо отвергнуто в комментариях как маловероятное. Здесь читаем: «Перечисленные Тургеневым лица — активные участники польского восстания 1863 г. К какому году (1860–1863?) относится эта запись, остается неустановленным» (П 4, 679). Запись настолько важна для нашей темы, что необходимо остановиться на именах, ставших контекстом адреса Александру II.

Генерал Мариан Лангевич (Лянгевич; 1827–1887) вошел в историю в качестве одного из руководителей восстания, который сменил на этом посту бежавшего в Париж после поражения под Новой Весью 9 (21) февраля 1863 года Людвика Мерославского. Участник похода Гарибальди на Неаполь в 1860–1861 годах, кадровый офицер, готовивший будущих польских повстанцев в Италии, Лангевич командовал отрядами в южной Польше, объявил себя диктатором, дал ряд сражений русским войскам и, будучи разбитым при Хробрже и Гроховиско, бежал в Австрию. В 1867 году он оказался в Турции, где безуспешно пытался собрать польский легион.

Вторая названная Тургеневым фамилия — Зыгмунта Падлевского (1836–1863) — также относится к числу имен руководителей восстания 1863 года. Будучи членом повстанческого Центрального комитета, который назначил его революционным начальником Варшавы, Падлевский отличился жестокими карательными мерами против помещиков, не желавших поддержать восставших, попал в плен и был расстрелян 15 мая 1863 года в Плоцке.

Вписывая имя Нарбута, Тургенев, очевидно, имел в виду не Казимира Нарбута, также участника восстания, а Людвика Нарбута (1832–1863), возглавившего повстанцев в Белоруссии и Литве и погибшего на поле боя. Упомянутого в списке Эдмунда Тачановского (1822–1879) также трудно отнести к малоизвестным участникам мятежа. Задолго до восстания он занимался его подготовкой; как и Лангевич, принимал участие в походах Гарибальди (к слову, итальянские революционеры в свою очередь активно поддерживали польский бунт), не раз арестовывался и отбывал заключение. Присоединившись к мятежникам уже после подавления основных сил, Тачановский, однако, вскоре был разбит, что не помешало Национальному правительству присвоить ему звание бригадного генерала и доверить командование значительным числом соединений. Лишь в августе 1863 года русским войскам удалось разгромить его полуторысячный отряд, после чего генерал бежал во Францию, а затем в Турцию.

Имя полковника, затем генерала Антония Езерянского (Езёраньского; 1821–1882) осталось в летописях как имя одного из наиболее успешных военачальников, к тому же вступившего в противоборство с «диктатором» Лангевичем, после бегства которого он был назначен главнокомандующим большими силами повстанцев и одержал ряд побед над правительственными войсками. Продержавшись до конца апреля 1863 года, Езерянский признал дальнейшее сопротивление бессмысленным и был лишен Национальным правительством всех званий и постов. Наконец, последний в списке — Дионисий Чаховской (1810–1863), погибший в окрестностях древнего Радома, — вошел в пантеон героев Польши. Против перечисленных фамилий, отчеркнутых волнистой линией, Тургеневым проставлена загадочная буква «Ф. —» («Финал»?). Более ни в произведениях Тургенева, ни в его переписке ни одно из этих имен не встречается.

Возникает ряд закономерных вопросов: был ли знаком Тургенев с упомянутыми лицами? Если нет, то какой смысл заключается в появлении имен польских повстанцев после чернового текста адреса на имя Александра II? Наконец, когда была сделана эта запись?

¹⁰ Mazon A. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. P. 60.

Скажем сразу: несмотря на отсутствие очевидной связи между интересующим нас документом и именами польских военных, частью погибших, частью оставшихся в живых, эта связь, на наш взгляд, существует. Однако вернемся к этому вопросу несколько позже, рассмотрев историю с самого начала. Напомним, что, дав заглавие черновику и указав дату его написания, автор кратко изложил его дальнейшую судьбу — передачу некоему Бенни и в конечном счете «истребление». Кто же был этот Бенни, кому писатель доверил столь важный документ, и с какой целью он был ему вручен?

Фигура Артура Бенни столь значима для нашей темы, что необходимо сказать несколько слов о его судьбе, оказавшейся в определенный момент связанной с судьбой русского писателя. И не только с ним. Другой известный русский литератор, с кем был еще более тесно знаком Бенни, — Н. С. Лесков. Именно он оставил важнейшие свидетельства о трагической истории молодого человека, которого в одной статье 1882 года сочувственно назвал «прекрасным» юношей «чистой и возвышеннейшей души».¹¹ Историю его жизни Лесков воспроизвел дважды — в очерке «Загадочный человек», написанном после смерти Бенни, и в антиинигилистическом романе «Некуда» (1864), где вывел его в образе Райнера, одного из самых симпатичных героев.

Сын евангелического пастора и англичанки, Артур Вильям (Артур Иванович) Бенни (1839–1867) родился в Царстве Польском, окончил там гимназию, а в 1857 году был отправлен для продолжения образования в Лондон к родственникам матери, где особенно усердно изучал восточные языки, принял британское подданство и начал работать в военном министерстве. В Лондоне Бенни познакомился с А. И. Герценом и стал его восторженным почитателем. В конце 1860 года с рекомендацией от Герцена он едет в Париж и встречается с Тургеневым, а также с издателем оппозиционного листка «Будущность», недавно эмигрировавшим кн. П. В. Долгоруковым. Формальным поводом для знакомства с Тургеневым была передача через Бенни известного группового портрета Герцена и Огарева, сделанного в ателье братьев Майер,¹² но само рекомендательное письмо Герцена не сохранилось. О нем, впрочем, можно отчасти составить представление по дошедшему до нас аналогичному письму к П. В. Долгорукову от 6 (18) декабря 1860 года, в котором Герцен писал: «...рекомендую вам юного и чрезвычайно образованного поляка, желающего представиться вам. Он отлично знает языки, особенно английский <и немец> кий, и серьезно занимается наукой».¹³

На фоне многочисленных рекомендаций как Герцена, так и Тургенева, постоянно общавшихся в это время (Тургенев, как известно, был усердным читателем и корреспондентом «Колокола», снабжая его различного рода материалами), такая характеристика Бенни была обычным делом, однако для нас она имеет особый смысл. Бенни, похоже, не торопился вручить Тургеневу переданную для него из Лондона фотографию, потому что еще 24 декабря 1860 года (5 января 1861) Герцен переспрашивал о ней.¹⁴ Наконец, через четыре дня, 28 декабря 1860 (9 января 1861) года Тургенев сообщил: «Бени был,

¹¹ Лесков Н. С. О шепотниках и печатниках / Публ. А. М. Ранчина // Лит. наследство. 1997. Т. 101: Неизданный Лесков. Кн. 2. С. 54. В этой статье Лесков прямо признался, что писал Райнера с Артура Бенни. См. также: Эджертон В. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов (О реальной основе «Некуда» и «Загадочного человека») // Там же. Кн. 1. С. 614–637.

¹² Фото было сделано между 22 и 24 августа (3 и 5 сентября) 1860 года, см.: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859 — июнь 1864 / Сост. И. Г. Пушкина, С. Д. Гурвич-Лищинер. М., 1983. С. 146.

¹³ Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1963. Т. 27. Кн. 1. С. 121.

¹⁴ Там же. С. 125.

доставил портрет, очень понравился — и исчез. Надо его отыскать» (П 4, 276).¹⁵ О самой фотографии, правда, не было сказано ни слова.

Учитывая, что в письме к Герцену от 20 декабря 1860 (1 января 1861) года Тургенев не упомянул о визите Бенни, скорее всего, их знакомство состоялось между 21 и 27 декабря 1860 года (2 и 8 января 1861 года).¹⁶ Удалось ли Тургеневу отыскать Бенни в Париже, как он намеревался, сказать сложно, сведений об этом не сохранилось. Возможно, он не особенно усердствовал в поисках молодого поляка, хотя трудно согласиться с предположением С. А. Рейсера, посвятившего Бенни специальное исследование, о том, что «отношения <...> вряд ли пошли дальше официального знакомства и слова „очень понравился“ надо относить за счет изысканной, в чисто французском духе, вежливости Тургенева».¹⁷ Во всяком случае, спустя несколько лет Тургенев, узнав, в каком положении находится его молодой друг, сделал все, чтобы тот получил разрешение принять русское подданство и вернуться в Россию, откуда он был выслан после ареста по «делу 32-х» в 1865 году.¹⁸ Судьбе было угодно распорядиться иначе: не получив русского гражданства, в конце 1867 года Бенни, по рекомендации Герцена, оказался в гарибальдийском отряде в качестве корреспондента двух английских газет, был ранен в сражении при Ментане, попал в плен и умер от гангрены в римском госпитале в возрасте 28 лет.

Несмотря на то, что о пребывании Бенни в Париже сразу после знакомства с Тургеневым мало что известно, Рейсер счел «в высшей степени правдоподобным» сообщение В. В. Чуйко о том, что он был близок к парижскому кружку родственницы Герцена Т. П. Пассек и общался, в частности, с польским революционером и сотрудником Герцена Генриком Абихтом (1835–1863), повешенным впоследствии в Варшаве.¹⁹

Дальнейшая история отношений Тургенева и Бенни свидетельствует о том, что писатель действительно испытывал к нему симпатию и даже, как будет показано ниже, сыграл определенную роль в судьбе молодого революционера. Все это, однако, случится позже, первая же встреча, судя по всему, не получила непосредственного продолжения. Имя Бенни появляется вновь в переписке Тургенева и Герцена лишь три месяца спустя — в начале апреля следующего, 1861 года.

Между этими датами произошло событие поистине исторического масштаба: 19 февраля 1861 года Александром II были подписаны Манифест об отмене крепостного права и Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. То, о чем мечтало не одно поколение мыслящих русских людей, наконец свершилось. Начиналась эпоха реформ и в то же время эпоха резких размежеваний в общественно-политической среде. При почти повсеместном «молчании народа», которое столь красочно описал Тургеневу

¹⁵ В комментариях к письму ошибочно указано, что речь идет о портрете Герцена (П 4, 605).

¹⁶ В «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862)» оно датируется более расширительно: между 7 (19) декабря и 27 декабря 1860 (8 января 1861). См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862) / Отв. ред. Н. П. Генералова; авт.-сост. Н. П. Генералова, С. А. Ипатова, В. А. Лукина. СПб., 2018. С. 380.

¹⁷ Рейсер С. Артур Бенни. М., 1933. С. 20.

¹⁸ Можно предположить, что в составлении очень искреннего, убедительного и не лишеного литературных достоинств письма Бенни на имя управляющего III Отделением П. А. Шувалова, помеченного 20 октября (1 ноября) 1867 года (впервые оно было опубликовано Рейсером: Там же. С. 77–82), принял участие Тургенев. В письме Бенни чистосердечно рассказал о своем увлечении идеями и статьями Герцена, как и о своем разочаровании в этих идеях, признался в горячей любви к России, для которой видел «великую будущность», и обещал сделаться «верным и преданным подданным русского царя». Следует также сказать, что еще в 1862 году Бенни подавал прошение о предоставлении ему российского гражданства, но последовавшее вскоре привлечение его к политическому процессу помешало рассмотрению этой просьбы.

¹⁹ Там же. С. 20.

П. В. Анненков,²⁰ просвещенная публика ликовала и славila царя. Тургенев встретил весть о Манифесте в Париже, Герцен — в Лондоне.

«Дожили мы до этих дней — а все не верится, — пишет Тургенев Герцену 1 (13) марта 1861 года, — и лихорадка колотит, и досада душит, что не на месте» (П 4, 297). Накануне Герцен упрекал Тургенева за то, что он не в России,²¹ и получил в ответ: «Все мои помыслы — весь я в России» (П 4, 297). Однако до 5 (17) марта, дня обнародования Манифеста, происходят события, чреватые в дальнейшем серьезными катаклизмами и повлекшие за собой крушение многих и многих судеб.

Еще до подписания Манифеста, вернее сказать, в преддверии его, а именно 15 (27) февраля 1861 года, в день, когда Тургенев просил верного друга Анненкова известить его телеграммой о выходе в свет «великого указа» и описать «энциклопедически-панорамическим пером состояние города Питера накануне этого великого дня и в самый день» (П 4, 293), в Варшаве происходит манифестация якобы в память восстания 1830–1831 годов. Торжественные службы и молебны в костелах соседствуют с пением революционных песен. Правительственные войска под командованием генерала Заблоцкого разгоняют демонстрантов, применяя силу. При этом погибает около пяти человек. Это было начало гораздо более массовых и жестоких событий, вылившихся в январе 1863 года в настоящую войну, где с одной стороны стояла польская шляхта, поддерживаемая западноевропейскими правительствами и революционерами всех мастей, с другой — государственная машина Российской империи. От мирных демонстраций движение вскоре перешло к лозунгам восстановления независимости Польши, возвращения конституции 1815 года, дарованной Александром I и отмененной в 1832 году Николаем I, и в конечном счете привело к очередной попытке вооруженным путем возродить Речь Посполитую в границах 1772 года, что означало бы отторжение от России значительных территорий, населенных русскими, белорусами, малороссами и другими народами империи. Именно в преддверии польского восстания 1863–1864 годов отношения Герцена и Тургенева дают заметную трещину, которая со временем лишь углубится, приведя к окончательному разрыву.

В письме Герцена от 23 февраля (7 марта) 1861 года — нетерпеливое ожидание новостей из России: «Ты понимаешь <...> что эти дни не жизнь, а судо-

²⁰ «Вообразите, Иван Сергеевич, шутку, сыгранную русским народом города Петербурга с образованной публикой — в день объявления манифеста проклятый народ сей не имел никакой физиогномии, кроме обыкновенной масляничной. Правда и то, что, по обыкновению, ему сделали сюрприз или преприятный обман, которые вообще мало удаются, как известно. В величайшем секрете заготовили манифест и объявления по всем углам переулков, да вдруг, едва проснулся народ, отуманенный с вечера качелями и чайками (5 марта в воскресенье праздновалась Масленица. — Н. Г.) — ему и бухнули в церквах и с будок: вот-де ты вчера лег крепостным, а сегодня просыпаешься свободным гражданином. Зато и выпучил же он глаза. Я был у Владимирской, послав Макарова к Исаакию, братьев в Казанскую и разных других приятелей в разные другие церкви, потому что мы были в секрете и о сюрпризе осведомились за два дня до совершения его, — везде произошло одно и то же. Вышел поп после обедни, развернул печатный лист, народ вдруг притих, даже матери грудных ребят, всегда воющих от радости и печали, отнесли назад, и в мертвом молчании выслушали речь, составленную из помеси канцелярской редакции и ложноблблейской витиеватости. Только везде произошло одно движение, именно в том месте, где манифест говорит: „Осени себя крестом, народ, и призови благословение Божие на свободный труд“. <...> день кончился по балаганам и кабакам наиобыкновеннейшим образом, как будто народ не получал никакого сюрприза, а только должное, ему следующее и задержанное слишком долго неисправным плательщиком. <...> Все это изумительно — и неужто так будет по всей России, а вероятно» (Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подг. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 103–104 (сер. «Литературные памятники»)).

²¹ «А ведь хороши вы все, таскающиеся в Европе для ради прохладения, когда долг, разум и сердце <...> заставляют быть в России» (Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 27. Кн. 1. С. 139; письмо от 23 февраля (7 марта) 1861 года).

рожное пережигание себя <...>. Это наше время, наше последнее время — эпилог. / Иногда верится, что мы будем в России, — чаще, что мы совсем не будем». ²² Одновременно — просьба узнать от Э. Желиговского достоверные новости о событиях в Польше и немедленно сообщить о них. Однако Тургенев, обычно охотно исполнявший поручения, на этот раз отказывается, ссылаясь на то, что Желиговскому «теперь не до Варшавы», поскольку он в ближайшее время должен жениться (см.: П 4, 298; письмо от 25 февраля (9 марта) 1861 года). В то же время накануне, передавая графине Е. Е. Ламберт распространившийся в Париже слух, «будто в Варшаве вспыхнул бунт», писатель дает недвусмысленную оценку происходящему: «Сохрани нас Бог от эдакой беды! — Бунт в Царстве может только жестоко повредить и Польше и России, как всякий бунт и всякий заговор. Не такими путями должны мы идти вперед. <...> А в странное и смутное время мы живем. Приглядитесь к тому, что везде делается... Никогда разложение старого не происходило так быстро. А будет ли лучше новое — бог весть!» (П 4, 296). Слово «заговор» употреблено здесь, конечно, не случайно. Общавшийся с широким кругом революционеров Тургенев не мог не знать о готовящемся восстании.

В упомянутом письме Герцен сообщает Тургеневу о следующем номере «Колокола» (л. 94), где будет опубликована статья о Польше, и интересуется местопребыванием Ипполита Делаво, намереваясь через него «сунуть» ее во французские журналы. ²³ Статья «Vivat Polonia!» выйдет 3 (15) марта. В ней Герцен бросит в лицо царю обвинение и призовет покаяться перед поляками, «с умилением» склоняя голову перед «великим подвигом» одного русского офицера, якобы отказавшегося стрелять в безоружных демонстрантов, и призывая солдат не только сложить оружие, но и быть готовыми погибнуть «жертвой искупления», запечатлев своей «мученической кровью» «неразрушимый, свободный союз Польши и России». ²⁴ Осознавая свое влияние, хотя и сильно переоценивая его, лондонский изгнанник советует царю освободиться от «немецко-русских татар», засевших в правительстве, парадоксально называя Александра II единственным «из русских».

Пройдет еще немного времени, и Герцен, очевидно надеясь на успех своей статьи, ²⁵ напишет речь в честь Александра II и назначит по случаю освобождения крестьян на 29 марта (10 апреля) в своем доме Orsett House грандиозный иллюминированный праздник, с приглашением всех русских. Данным приглашением Тургенев постарается не воспользоваться, ссылаясь на нездоровье, хотя Л. Н. Толстой и обещал Герцену прибыть с ним на этот «пир». ²⁶ А вот Артур Бенни на пиру побывал и даже должен был, по просьбе устроителя, рассказать о нем Тургеневу. О том, что встреча Тургенева и Бенни состоялась, свидетельствует упоминание о ней в письме Бенни к Тургеневу из Петербурга от 24 июля (5 августа) того же 1861 года, где он пишет, что событие имело место «три месяца назад». ²⁷ Тогда же Тургенев, по-видимому, узнал, что тост в честь Александра II Герценом поднят не был, однако было ли известно Бенни, а следовательно

²² Там же. С. 138.

²³ Там же. С. 139.

²⁴ Там же. Т. 15. С. 44–49. Слухи о «подвиге» русского офицера опровергались русской печатью (см.: Там же. С. 319).

²⁵ Известно, что Александр II читал «Колокол». Недаром К. Д. Кавелин еще в 1858 году писал Герцену: «Вы скоро можете, не краснея, подать друг другу руку с Александром II и считать друг друга союзниками на благо и счастье России» (Н. А. Мельгунов — Герцену / Публ. Н. Н. Захарьина // Лит. наследство. 1955. Т. 62: Герцен и Огарев. П. С. 386).

²⁶ См.: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. С. 197.

²⁷ Рейсер С. Новые материалы о Бенни // Каторга и ссылка. 1931. № 2 (75). С. 140. На титульном листе ошибочно значится № 1 (за указание на эту ошибку благодарю В. А. Лукину). Здесь впервые опубликованы три письма Бенни к Тургеневу, хранящиеся в Пушкинском Доме (№ 5769).

и Тургеневу, что Герценом была заранее написана и даже распечатана на нескольких языках (для раздачи присутствующим) торжественная речь в честь царя, мы не знаем.²⁸ При вести об очередной «резне» в Варшаве, принесенной прямо во время «праздника», эти брошюры были демонстративно брошены в огонь.²⁹ Вместо задравной речи на следующий день была написана статья «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве». Это был прямой вызов русскому правительству и лично царю.³⁰

Тургеневу по поводу «праздника» Герцен сообщал: «Я не писал к тебе, потому что не мог сказать ничего хорошего о русском празднике, он случайно вышел великолепен — погодой, количеством гостей и количеством совершенно незнакомых русских <...> и все было убито варшавской кровью. Все походило на похороны. Завтра ты получишь „Кол<окол>“ и увидишь, если Бени не рассказал еще».³¹

Итак, у нас нет оснований считать, что между последней декадой декабря 1860-го и второй половиной апреля 1861 года отношения между Тургеневым и Артуром Бенни поддерживались, скорее всего, они ограничились двумя эпизодическими визитами. А из петербургского письма Бенни от 24 июля (5 августа) 1861 года становится очевидным, что следующая встреча произошла только в августе. «Когда три месяца тому назад мы прощались на Rue de Rivoli, — писал Бенни Тургеневу, — ни вы, ни я не подумали, что нам, быть может, так скоро встретить (так!) друг друга в России».³² Помимо всего прочего, из приведенных слов ясно, что до этого времени никакое серьезное дело еще не связывало Бенни с Тургеневым. Он ехал в Россию с другим заданием, от Герцена, и должен был прежде всего заниматься распространением запрещенных изданий Вольной русской типографии, попутно налаживая отношения с русскими революционерами и изучая мало известную ему страну. Довольно зло и комически злоключения Бенни и приставленного к нему А. И. Ничипоренко изобразил в своем очерке Лесков,³³ недаром в первой публикации имелся подзаголовок: «Очерк из истории комического времени на Руси».³⁴ Не будем обсуждать, насколько комическим было это время, несомненно одно: подробности о путешествии Бенни по России Лесков, конечно,

²⁸ В письме от 16 (28) марта Герцен сообщал Тургеневу о заготовленном тосте и обещал прислать его в переводе на французский язык (Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 27. Кн. 1. С. 144).

²⁹ Черновой автограф речи сохранился, см.: Там же. Т. 15. С. 217–219, 419–420.

³⁰ «Праздник наш был мрачен, — писал Герцен. — <...> Мы как будто помолодели вестью освобождения крестьян. Все было забыто; с упованием на новую поступь России, с бьющимся сердцем ждали мы наш праздник. На нем в первый раз от роду при друзьях русских и польских, при изгнанниках всех стран, при людях, как Маццини и Луи Блан, при звуках „Марсельезы“ мы хотели поднять наш стакан и предложить неслыханный при такой обстановке тост за *Александра II, освободителя крестьян!* <...> Но рука наша опустилась; через новую кровь, пролитую в Варшаве, наш тост не мог идти. Преступление было слишком свежо, раны не закрылись, мертвые не остыли, имя царя замерло на губах наших. Выпивши за *освобожденного русского крестьянина*, без речей, без шума <...> мы предложили один тост: / ЗА ПОЛНУЮ, БЕЗУСЛОВНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОЛЬШИ, / ЗА ЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ РОССИИ И ОТ ГЕРМАНИИ / И ЗА БРАТСКОЕ СОЕДИНЕНИЕ РУССКИХ С ПОЛЯКАМИ! <...> А вы, Александр Николаевич, зачем же вы отняли у нас праздник, зачем вы отравили его? Разве у нас их так много, разве с нашего рождения мы что-нибудь праздновали, кроме похорон? <...> Вы могли стать во главе славянского движения, вы могли восстановить Польшу без капли крови — вы предпочли австрийские драгоны. <...> Вы Польшу потеряли, т. е. *живую*, — зарезанная, она, может, и останется трофеем победоносному войску вашего величества» (Там же. С. 65–66).

³¹ Там же. Т. 27. Кн. 1. С. 145.

³² См.: Рейсер С. Новые материалы о Бенни. С. 140. Хорошо владея русским языком, Бенни все же допускал некоторые погрешности, на которые в свое время было указано Рейсером.

³³ Лесков Н. С. Загадочный человек. Истинное событие. С письмом Н. С. Лескова к Ивану Сергеевичу Тургеневу (1871 г.) // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2004. Т. 8. С. 23–64.

³⁴ Там же. С. 575.

узнал от самого Бенни. Несомненно и другое: пылкий поляк приехал в Россию с поручением от Герцена, а вернулся в Петербург после месячных скитаний и визита в Спасское с поручением от Тургенева. Этим поручением и был сбор подписей под так называемой тургеньевской «конституцией».

Приведенные хронологические уточнения понадобились затем, чтобы поставить под сомнение собственноручно проставленную Тургеньевым дату написания «Проекта адреса» Александру II — 1860 год, о чем говорилось ранее. В самом деле, если Тургеньев и Бенни впервые встретились в конце декабря 1860 года, то с какой стати писатель стал бы «вручать» едва знакомому юноше столь важный документ, получивший, благодаря воспоминаниям П. Л. Лаврова, название тургеньевской «конституции»? Уже после смерти писателя, в статье «И. С. Тургеньев и развитие русского общества» Лавров вспоминал, как однажды осенью 1861 года на квартире одного знакомого литератора ему представили молодого человека, «поляка, которого звали Бенни и который только что приехал тогда из-за границы. Этот же литератор мне говорил, что Бенни привез с собою разные бумаги от Тургеньева и от Герцена (кажется) и, между прочим, я очень хорошо помню, что говорилось о „проекте конституции“, написанном И. С. Тургеньевым».³⁵ Признаваясь, что ни одного документа он не читал, Лавров поведал, как на квартире другого знакомого ему пришлось стать свидетелем последних минут существования этих бумаг. Узнав об аресте группы студентов, «Бенни очень испугался <...> опасаясь, по-видимому, тоже ареста. Высказана была необходимость сжечь бумаги, которые все еще находились в кармане у Бенни (не знаю все ли, но, насколько помнится, тут же говорилось о проекте конституции Ивана Сергеевича)».³⁶ Сожалея, что в совершенном «аутодафе» погиб столь важный документ, Лавров призывал тех, кто ознакомился с ним, сообщить его содержание, указывая на важность данного факта для биографии писателя. Правда, он признался, что никогда «не придавал особой важности тем проектам, которые писались в этот период „именинного“ настроения»,³⁷ а потому и не считал нужным расспрашивать об одном из них самого автора, с которым много общался за границей.

Надо сказать, в словах Лаврова было много правды: действительно, канцелярия С. Е. И. В. была переполнена подобными «проектами». Но Тургеньев тоже об этом знал и все же предпринял свою попытку. Какова была его цель? Она, как представляется, была определена конкретными обстоятельствами.

В книге о Бенни С. А. Рейсер, уже имея доказательства существования в парижском архиве документа, написанного рукой Тургеньева, высказал, на первый взгляд, странное мнение, что адрес государю был составлен совместно — Тургеньевым и Бенни. Возможно, его сбили с толку свидетельства Лескова в «Загадочном человеке», развернутым комментарием к которому и явилась его книга, а также факты, изложенные В. И. Кельсиевым в своей «Исповеди». «Бени, только что приехав в Россию, — писал Кельсиев, — прямо попал в кружок студентов и подобных им горячих голов и, разумеется, не мог не увлечься их делом <...>. В азарте своем он тотчас же решился выступить агитатором, написал адрес государю с просьбой о конституции или о чем-то вроде конституции и отправился путешествовать по России для собирания подписей».³⁸ Важно отметить, что Кельсиев ни словом не обмолвился

³⁵ Цит. по: Лавров П. Л. И. С. Тургеньев и развитие русского общества / Прим. К. П. Богаевской // Лит. наследство. 1967. Т. 76: И. С. Тургеньев: Новые материалы и исследования. С. 224.

³⁶ Там же. «Аутодафе», в котором погиб проект «тургеньевской конституции», было совершено 5 (17) октября 1861 года (см.: Рейсер С. Артур Бенни. С. 118 (прим. 42)).

³⁷ Лавров П. Л. И. С. Тургеньев и развитие русского общества. С. 225.

³⁸ «Исповедь» В. И. Кельсиева / Подг. к печати Е. Кингисепп, вступ. статья и комм. М. Клевенского // Лит. наследство. 1941. Т. 41–42: А. И. Герцен. П. С. 310. В комментариях верно

об участии Тургенева в составлении проекта «конституции», хотя из письма Бенни к нему от 7 (19) февраля 1862 года отлично знал об авторстве Тургенева.³⁹ Позднее, в рецензии на «Загадочного человека» Лескова, говоря об адресе, Кельсиев уже называл его авторами Бенни и Ничипоренко, утверждая даже, будто видел подписи под этим адресом, вытравленные щавелевой кислотой.⁴⁰

Так кто же написал адрес Александру II, под которым Бенни и Ничипоренко так неудачно собирали подписи летом 1861 года? Ошибался ли Кельсиев, говоря, что под адресом стояло несколько подписей, или его просто подвела память и он видел адрес, написанный Тургеневым? Рискнем предположить, что адресов на самом деле было два, и подписи под ними собирались два раза. Такой вывод можно сделать из единственного известного письма Герцена к Бенни, где затрагивался данный вопрос. 7 (19) ноября 1861 года, получив через Тургенева «большое письмо» от Бенни, Герцен писал: «Предполагаемый вами адрес мог бы, при теперешней реакции, погубить вас и многих. Адрес умеренный, о котором вы пишете, может, и не дурен (хотя о главном вопросе — о выкупе крестьянских земель — там и не упомянуто) — но вы вряд ли успеете что-нибудь сделать».⁴¹ Как видим, Герцен был крайне недоволен обоими документами, о которых упоминал Бенни, спрашивая совета, какой из адресов следует пустить в ход, — написанный им, очевидно, с Ничипоренко (вряд ли Бенни, мало зная Россию, решился бы самостоятельно составить столь ответственный документ), явно радикального свойства, или более умеренный (Тургенева). В последнем, кстати, действительно не содержалось «главного вопроса» — о выкупе крестьянских земель. Возможно, Бенни предлагал Герцену поставить свою подпись под одним из адресов.

указано, что Бенни приехал в Россию не в 1860, а в 1861 году (Там же. С. 452), это уточнение было сделано и Рейсером в книге о Бенни (*Рейсер С.* Артур Бенни. С. 118). Фрагмент о Бенни у Кельсиева вообще изобилует хронологическими и фактическими ошибками, допущенными либо случайно, либо намеренно.

³⁹ В исполненном жалоб на свои неудачи письме Бенни сообщал о своем первом пребывании в России летом–осенью 1861 года: «...как я вам, кажется, уже написал прежде, Тургенев дал мне подлинник составленного им адреса. Люди, которым я показывал эти документы, сначала, казалось, доверяли мне и было даже вошло в сношения, более серьезные, со мною, но вдруг отшатнулись от меня, как я потом узнал, вследствие писем от Александра Ивановича (Герцена. — *Н. Г.*), в которых он отказывался от всякого не только речительства, но почти знакомства со мною» (Артур Бенни — В. И. Кельсиеву и Герцену / Публ. С. А. Радина // Лит. наследство. Т. 62. С. 24).

⁴⁰ «Под адресом, сочиненным покойным Ничипоренко и Бенни, я видел подписи, — свидетельствует В. И. Кельсиев. — Он (Бенни. — *С. Р.*) показал в редакции (одной московской газеты, — которую Кельсиев не называет: речь может идти, по-видимому, о «Русской речи» или «Московских ведомостях». — *С. Р.*) адрес, под которым было что-то уже около пяти подписей, впоследствии вытравленных щавелевой кислотой...» (*Рейсер С.* Артур Бенни. С. 28). В примечании к данному фрагменту указывается источник: «Кельсиев. С. 19» (Там же. С. 118). Согласно Списку сокращений, так дается ссылка на обширную рецензию Кельсиева в журнале «Заря» (1871. № 6. Библиография. С. 1–31 (отд. паг.)) на отдельное издание очерка Лескова «Загадочный человек» (1871). Однако наше обращение к этой публикации поначалу не дало положительного результата. Оказалось, что в большинстве экземпляров июньского номера «Зари» указанная статья вообще отсутствовала. Лишь в фондах Библиотеки Академии наук удалось обнаружить экземпляр с еще не изъятной цензурой Рейсер. — Возможно, что первому из них и принадлежат какие-либо поправки и дополнения, но на самом деле авторами адреса являются Бенни и Тургенев» (*Рейсер С.* Артур Бенни. С. 29). Об этой невольной ошибке ученого будет сказано далее.

⁴¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 27. Кн. 1. С. 194. В комментариях к письму, сохранившемуся в копии и не полностью, говорится лишь об адресе, написанном Тургеневым, и попытке сбора подписей под ним осенью 1861 года, после визита в Спасское (Там же. Кн. 2. С. 674).

Не исключено, что Бенни утаил авторство Тургенева от Герцена, как он впоследствии сделал это в показаниях следственной комиссии по «делу 32-х». Не упомянул он, в отличие от Ничипоренко, и о визите к Тургеневу в Спасское. Можно не сомневаться, что, вручая Бенни свой «Проект адреса Государю», Тургенев просил его ни под каким видом не называть его имени. По поводу неудачи со сбором подписей Герцен заметил, что Бенни слишком мало знает русскую жизнь, чтобы браться за подобное дело. В связи с тем, что Бенни выдавал себя за посланца Герцена, он иронизирует: «Вероятно, вы говорили с людьми, очень мало читающими „Колокол“: они вам прямо сказали бы, что мы не можем соглашаться, последовательно, на такой адрес — а можем только *не мешать* ему так, как не мешаем долгоруконской конституции». ⁴² Догадался ли Герцен, кто был автором адреса, неизвестно, однако со стороны Тургенева это был, несомненно, шаг к размежеванию с «бывшими товарищами юности».

Если наша гипотеза о существовании двух адресов на имя Александра II верна, то Тургенев должен был ознакомиться с адресом, составленным Бенни, и, конечно, сразу понял, какую опасность таит это предприятие для молодого поляка. Скорее всего, Бенни и Ничипоренко поведали писателю о своих злоключениях в Нижнем Новгороде в связи со сбором подписей под наскоро написанным адресом, не утаив и неудачи с попытками распространения «Колокола». Можно с определенной долей вероятности предположить, что именно с целью помочь горячим головам трезво оценить ситуацию Тургенев и составил свой собственный адрес, порекомендовав приятелям собрать под ним подписи, и даже назвал имена тех, к кому следует обратиться в первую очередь, — М. Н. Каткова и И. С. Аксакова, переведя энтузиазм молодых революционеров в более позитивное русло. В самом деле, для дальнейшего сбора подписей наличие в списке популярных и уважаемых людей, а в ту пору Катков был еще в числе либералов, разделявших общий подъем по поводу начала реформ, выглядит вполне оправданным. Кроме того, Тургенев мог рассчитывать и на известное англоманство Каткова, посылая к нему молодого английского подданного. К тому же адрес был действительно составлен в самом умеренном духе. ⁴³ Но имелись, конечно, и более веские причины, по которым Тургенев решил обратиться к царю, воспользовавшись неожиданным визитом к нему двух приятелей.

Катков, однако, тургеневский адрес не подписал. Более того, он заподозрил неладное, попросив незнакомого молодого человека объяснить, от чьего имени тот действует, и даже предложил представить ему доказательства полномочий от Герцена, на которого сослался Бенни, стараясь придать значение своему предприятию. ⁴⁴ С этого начались главные беды новоиспеченного революционера: заподозренный в шпионаже в пользу III Отделения, он тщетно пытался опровергнуть порочащие его слухи, однако при жизни это ему так и не удалось. Герцен наотрез отказался поддерживать инициативу с адресами, а вместе с тем и несчастного Бенни, и, судя по всему, прекратил с ним письменные сношения

⁴² Там же. Кн. 1. С. 194.

⁴³ В связи с этим необходимо предложить поправку в высказанное Эджертоном утверждение, что Бенни просил Каткова и Аксакова поставить свои подписи под адресом, составленным им и Ничипоренко (см.: Эджертон В. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов. С. 619). Если уж Герцену этот адрес показался опасным и способным погубить многих, то что говорить о Тургеневе.

⁴⁴ Подробно описал реакцию Каткова на предложение Бенни В. И. Кельсиев в своей «Исповеди», хотя говорил об адресе как о документе, составленном Бенни («Исповедь» В. И. Кельсиева. С. 400). Возможно, отклик о походе Бенни к И. С. Аксакову содержится в письме Аксакова к Тургеневу от 4 (16) сентября 1861 года, где он сообщал о визите какого-то «молодого приятеля» Тургенева, которого отговорил от рискованного предприятия (см.: Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу / Публ. Л. Н. Майкова // Русское обозрение. 1894. № 12. Т. 30. С. 599 (здесь письмо ошибочно датировано концом 1861 года)).

вплоть до августа 1862 года. Более того, из его писем к Н. М. Владимирову от 23 ноября (5 декабря) и от 25 ноября (7 декабря) 1861 года следует, что он не только не отвел подозрений от Бенни, но даже подтвердил их и просил предупредить о них Ничипоренко.⁴⁵ Отказ Герцена в поддержке глубоко ранил Бенни. Впоследствии он искренне признавался в этом самому Герцену, хотя по-прежнему выражал готовность к сотрудничеству.⁴⁶ Однако вернемся к адресу, «врученному» Бенни Тургеневым, как мы полагаем, в августе 1861 года.

Обращаясь к Александру II, Тургенев заявлял, что «в нынешние смутные времена самое правдивое слово потеряло свою силу, самые чистые намерения возбуждают сомнение». Высказывая «голос общественного мнения», он писал: «Мы принадлежим к числу людей, которые верят в Вас; которые не только не мыслят о перемене правительства, но взывают к власти. / Мы не забыли, и вся Россия не забудет вместе с нами, что эта власть освободила крестьян <...>». ⁴⁷ Меры, предлагаемые в адресе и нужные «Родине безотлагательно сейчас <...> как воздух для дыхания», были таковы: «Мы просим. / 1). Полной отмены телесных наказаний. / 2). Гласности судопроизводства. / 3). Ежегодного отчета в государственных расходах и приходах и участия в их проверке. / 4). Расширения круга деятельности губернских собраний. / Сокращения срока службы для солдат. / 5). Уравнения раскольников с прочими подданными». ⁴⁸ Предупреждая обвинения в том, «что уступать подобным требованиям <ям> — значит вывести страну на путь насильственных переворотов», автор документа «умолял» царя «не верить тем, которые будут говорить так». «Мы, напротив, смеем думать, что, удовлетворив справедливые желания Вашего народа, Вы навсегда устраните возможность всяких потрясений, соберете вокруг себя все лучшие, все живые силы общества, подсечете под корень всякие нетерпеливые и необдуманные увлечения» (П 4, 400–401). Комментируя документ, не вполне точно названный Лавровым тургеньевским «проектом конституции», Е. И. Кийко справедливо писала: «...когда до Герцена дошел адрес (ноябрь 1861 г.), его отношение к реформе резко изменилось <...> и его не мог уже удовлетворить документ, написанный в атмосфере либеральных иллюзий конца 1860 — начала 1861 г. <...>» (П 4, 677). Говоря же о сути изложенной программы, исследовательница прямо указала, что эта программа «исторически восходит к тем задачам освободительного движения, которые сформулировал еще в 1847 г. в „Письме к Гоголю“ Белинский» (П 4, 677, 678). ⁴⁹ То есть ничего нового в себе не несет. Однако если признать, что турге-

⁴⁵ «Сейчас получили мы много вестей из России, — писал Герцен 25 ноября (7 декабря) 1861 года. — Между прочим, опять говорят о Бени и сильно подозревают его. Да когда же я его рекомендовал? Пора быть осторожным» (Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 27. Кн. 1. С. 202).

⁴⁶ 26 марта (7 апреля) 1863 года Бенни, получив от Герцена с большим опозданием письмо с извинением и пожеланием забыть прошлые недоразумения (письмо неизвестно), отвечал ему из Петербурга: «...мне трудно поверить, чтобы здешние кружки моих знакомых могли продолжать так систематически злобствовать и клеветать против меня, если б они услышали от вас хоть одно слово в мою пользу» (Артур Бенни — В. И. Кельсиеву и Герцену. С. 31). В этом же письме Бенни простодушно уведомлял Герцена о том, что его «не слишком лестное» о нем мнение, изложенное в одном из писем к Н. А. Серно-Соловьевичу (главному фигуранту «дела 32-х») и ставшее доступным членам следственной комиссии, послужило ему хорошую службу и избавило от ареста.

⁴⁷ BNF. Slave 88. F. 16 v. Против последней фразы, вписанной на полях, в автографе стоит знак «NB», не учтенный в первом и втором изданиях Полного собрания сочинений и писем Тургенева, а также отсутствует восклицательный знак в конце предложения.

⁴⁸ Следует отметить, что в автографе первые три пункта зачеркнуты тремя косыми линиями, пункт 4 («Сокращение срока службы для солдат») также вычеркнут и заменен на вписанную над строкой фразу: «Расширение круга деятельности губернских собраний» (Ibid. F. 17). Вычеркнуты были Тургеневым и пункт о «подведении книгопечатания под общие законы», и «отмена цензуры».

⁴⁹ Следует, правда, поставить под сомнение высказанное предположение, что до Герцена «дошел» адрес, составленный Тургеневым. Вряд ли Бенни, сжегший подлинник в начале ок-

невский адрес составлен не в конце 1860, а летом 1861 года, высказанные предложения и даже сам по себе факт обращения к Александру II приобретают совершенно иной смысл.

Несмотря на очевидную долю вульгарного социологизма, верную примету исследований 1930-х годов, в своей книге о Бенни Рейсер, оценивая адрес, созданный Тургеневым, даже не видя его и приписывая авторство его сначала Бенни и Ничипоренко, а затем Бенни и Тургеневу (попутно смешивая с ним еще один проект адреса, уже совсем не имеющий никакого отношения к Тургеневу), тем не менее высказал мысль чрезвычайно продуктивную.

Характеризуя «поток» адресов, хлынувших после известного рескрипта от 20 ноября 1857 года на имя виленского генерал-губернатора В. И. Назимова, Рейсер разделил их авторов на два лагеря: либеральное дворянство, «идущее по пути обуржуазивания» и не претендующее «ни на какое изменение строя или ограничение самодержавной власти», и «революционных демократов-разночинцев», которые, «хотя бы с оттенком социал-утопизма», призывали к революции «кровавой и неотвратимой, которая должна изменить радикально все <...> и погубить сторонников нынешнего порядка».⁵⁰

Оценивая «объективно» адрес Александру II, составленный, как ошибочно полагал Рейсер, Бенни и Тургеневым, ученый заключал: «Таким образом, даже и не зная точно самого адреса Бенни и Тургенева, по тем немногим строкам, которые до нас дошли, по тому кругу лиц, среди которых Бенни собирал подписи, и наконец, по самому факту адреса, можно, не колеблясь, охарактеризовать роль Бенни как объективно антиреволюционную, независимо от того, как воспринимал он ее субъективно. Сам того не желая, Бенни играл на руку той части либерального дворянства, которая боролась, в сущности, за „защиту страны от революции“».⁵¹ Эта характеристика едва ли может быть отнесена к тогдашним настроениям Бенни, но она полностью соответствовала намерениям Тургенева.

Если, как было показано выше, время написания «проекта конституции» отодвигается от 1860 года в год 1861-й и, конкретнее, на август 1861 года, когда Бенни с Ничипоренко приехали к Тургеневу в Спасское, необходимо сказать несколько слов о том, в какую сторону изменилась общественно-политическая обстановка в стране, вступившей в новый исторический этап. А она уже существенно отличалась от того «именинного» настроения, которым было окрашено время ожидания Манифеста и время, следующее непосредственно за его подписанием.

К августу 1861 года в России реально назрела революционная ситуация, пугавшая одних и возбуждавшая других. Тургенев, несомненно, принадлежал к первым. В несметном количестве экземпляров по стране расходились листовки и запрещенные книги, частью привозимые из-за границы эмиссарами Герцена, частью печатавшиеся в легальных и нелегальных типографиях в России. В то время как из Лондона раздавались все более и более горячие призывы, в определенных кругах молодых революционеров, в том числе и среди молодой эмиграции, герценовская пропаганда начала казаться уже недостаточно радикальной, устаревшей. Наиболее нетерпеливым представлялось, что хватит усилий небольшой группы энтузиастов — и многовековая монархия рухнет и рассыплется как карточный домик.

Так, незадолго до приезда Бенни и Ничипоренко в Спасское, в июле 1861 года в Орловской губернии за издание и распространение запрещенной

тября, успел снять с него копию. Скорее всего, он изложил содержание обоих адресов в том самом «большом письме», которое вручил Тургеневу для передачи Герцену.

⁵⁰ Рейсер А. Артур Бенни. С. 30–32.

⁵¹ Там же. С. 32.

литературы (в том числе «Колокола») был арестован студент физико-математического факультета Московского университета П. Г. Заичневский (1842–1896), собравший вокруг себя наиболее радикальную молодежь. Уже будучи под следствием, в мае 1862 года он написал прокламацию «Молодая Россия», немедленно распечатанную и разошедшуюся по городам и весям империи. Были в ней и такие слова: «Россия вступает в революционный период своего существования. <...> Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека <...> один — революция кровавая и неумолимая, — революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка. Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это и все-таки приветствуем ее наступление, мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы скорее она, давно желанная!»⁵² Таким образом, горячее настроение Бенни, увлеченного идеями социалистического переустройства общества, не было чем-то исключительным в накаленной атмосфере лета 1861 года.

Упомянуты были в прокламации Заичневского и расстрел 12 апреля 1861 года крестьян в селе Бездна, где объявился предводитель восстания Антон Петров, схваченный и вскоре казненный.⁵³ Писал он и о порках, которыми сопровождался отказ крестьян подписывать уставные грамоты, и о многом другом. Между прочим он предупреждал, что все способствует грядущей революции — волнения в Польше и Литве, финансовый кризис, окончательное разрешение крестьянского вопроса, назначенное на весну 1863 года, возможная война с Европой. Резко размежевался Заичневский с Герценом: признавая заслуги его в прошлом, но считая, что «Колокол» «не может служить не только полным выражением мнений революционной партии, но даже и отголоском их», он заявлял, что программа журнала остается не более как либеральной. Досталось в прокламации и «Великоруссу», и кн. П. В. Долгорукову, и многим другим.

Регулярно получавший сведения из России Герцен реагировал на каждое заметное явление и все более убеждался, что события развиваются более стре-

⁵² Цит. по: Прокламации шестидесятых годов / Ред. Ф. Ф. Раскольников. М., 1926. С. 61. Хотя прокламация Заичневского писалась уже в 1862 году, подобные настроения были популярными в среде радикальной молодежи, достаточно вспомнить, что вскоре по приезде Тургенева в Россию, в июне 1861 года, в столице распространился первый номер листовки «Великорусс», в которой был прямо поставлен вопрос о неспособности монархии спасти Россию от пугачевщины, в сентябрьском (втором) номере говорилось о необходимости решить крестьянский вопрос путем предоставления земли безвозмездно, за счет всей нации; освободить Польшу и перейти к конституционной форме правления, а в третьем (октябрьском) печатался проект адреса Александру II с просьбой созвать представителей русской нации с тем, чтобы они составили конституцию, и сделать то же в Варшаве. В начале сентября 1861 года в Петербурге распространялась отпечатанная в Лондоне прокламация «К молодому поколению», написанная Н. В. Шелгуновым и М. Л. Михайловым, в которой говорилось о неизбежности и необходимости насильственной революции. За написание этой прокламации Михайлов был вскоре арестован и отправлен на каторгу (Тургенев, кстати, оказал ему финансовую помощь после ареста). 18 (30) сентября 1861 года Никитенко записал в дневнике: «Прочитал я, наконец, знаменитое воззвание „К молодому поколению“. Лживость, нелепость и наглость его могли бы изумить всякого мыслящего человека, если бы что-либо могло изумлять в настоящее время. Хороша, например, мысль о перерезании ста тысяч дворян. „Да ведь на войне режут и более, хоть бы в Крымскую войну“ и проч. Превосходная логика! Еще лучше: „Да ведь умрут же все“. <...> Их бедные беснующиеся умы не могут придумать никакой другой меры, кроме ножа. Поразительное невежество относительно всего, что касается России <...>. Они требуют от нее, чтобы она для осуществления утопий, выходящих из лондонских типографий, лила кровь как воду. <...> И неужели в самом деле это проповедует Герцен?» (Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. / Подг. текста и прим. И. Я. Айзенштока. М., 1956. Т. 2. С. 208–209 (сер. «Литературные мемуары»)).

⁵³ См. об этом: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862). С. 459.

нительно, чем можно было ожидать.⁵⁴ Тургеневу же, дописывавшему свой роман «Отцы и дети» в Спасском, достаточно было оглядеться вокруг, чтобы оценить всю серьезность сложившейся ситуации. Письма от старых друзей — П. В. Анненкова, И. П. Борисова, А. Ф. Писемского и др. — лишь дополняли общую картину.⁵⁵ В этой обстановке обращение к государю с просьбой продолжить реформы и тем самым пресечь нарастающую революционную волну, выглядело вполне уместным с точки зрения человека, который и в конце жизни признавался, что «всегда был и до сих пор остался „постепеновцем“, либералом старого покроя в английском, династическом смысле, человеком, ожидающим реформ *только свыше*, — принципиальным противником революций».⁵⁶ Перелом в отношениях с «бывшими товарищами юности» произошел тогда, когда Тургенев понял, что в своих революционных устремлениях они готовы предать забвению тот факт, что именно *сверху* было совершено освобождение крестьян, когда ими было поставлено под сомнение историческое значение произошедшего мирного переворота и «Колокол» стал говорить об освобождении крестьян как об обмане.⁵⁷ Таким образом, составленный адрес был скорее вызовом Герцену, Огареву и Бакунину, которые не только ожидали будущий взрыв, но и всячески способствовали ему. Возможно, Тургенев надеялся опубликовать свой адрес в «Колоколе», содействуя таким образом предотвращению грядущей бури.

Возвращаясь к «Проекту адреса», сохранившемуся в бумагах Тургенева, но так и не дошедшему до адресата, следует вспомнить, что позже, будучи привлеченным в 1862 году по «делу 32-х», или «Делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», писатель, вызванный в Сенат и опасавшийся ехать в Россию, вынужден был в Париже давать письменные ответы на «допросные пункты». Здесь о визите Ничипоренко он писал: «Я г-на Ничипоренка видел всего два раза: летом 1860-го года у себя в деревне, в Орловской губернии — а потом в 1862-м году весной в Париже. В деревню он ко мне заехал (как он это сам показывает на листе 59-м), временно проживая в гостях по соседству и желая со мной познакомиться. Я нашел в нем человека молчаливого и малоинтересного; посещение его продолжалось весьма недолго — и он уехал, не высказав никаких своих убеждений» (П 5, 318).

⁵⁴ Перед приездом Тургенева в Лондон Герцен, на основании полученных сообщений из России, писал ему 16 (28) октября: «Письма у нас — ужасы, страх и страх. Я начинаю верить, что Алекс<андр> II полетит к черту» (*Герцен А. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. Кн. 1. С. 190).

⁵⁵ Так, П. В. Анненков, приехавший в свое симбирское имение Чирьково, сообщал Тургеневу 4 (16) июня 1861 года: «Что касается до мужиков, то я нашел их мрачными, после поветрия порки, обошедшего уезды, смежные с Казанской и Пензенской губ<ерниями>, и захватившего краем и внутренность нашей. Они смотрят, как люди, которых обсчитали. Доверенности между миром и владельцем земли никакой <...>. Крестьяне уже составили убеждение себе, что воля должна вводиться точно так, как рекрутский устав, переселение в Сибирь и ссылка на Амур — с отпором на одной стороне, кнутом и экзекуцией на другой, да так уже и держут себя» (*Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. С. 107).

⁵⁶ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Соч. Т. 15. С. 185. Это заявление было сделано в открытом письме к редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу, помеченном 21 декабря 1879 (2 января 1880) года, в связи с выпадом Б. М. Маркевича против Тургенева, прозвучавшим со страниц катковских «Московских ведомостей». Поводом послужило предисловие к опубликованному в Париже очерку «En cellule. Impressions d'un nihiliste» («В одиночном заключении. Впечатления нигилиста»), автором которого был И. Я. Павловский (1852–1924), арестованный по «делу 193-х» и проведенный в заключении около четырех лет. Покровительство Тургенева ввело Павловского после бегства в Европу в круг русских и французских литераторов, он стал писателем, мемуаристом, сотрудничал в русских газетах.

⁵⁷ «Крестьяне не поняли, — писал, например, Герцен в статье «Искупаемый епископ, дотопопное правительство и обманутый народ», — что освобождение обман, они поверили слову царскому — царь велел их убивать, как собак; дела кровавые, гнусные совершились» (Колокол. 1861. 15 авг. Л. 105; *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 137).

Указанная Тургеневым дата первой встречи с Ничипоренко не соответствует действительности, поскольку в показаниях, на которые он ссылается, Ничипоренко говорил именно о начале августа (ст. ст.) 1861 года.⁵⁸ Имя Бенни, с которым приехал Ничипоренко, в ответах Тургенева вообще не называлось. В свою очередь Бенни, будучи привлеченным по «делу 32-х», также не называл имени Тургенева как автора адреса и отрицал само его существование.

Скорее всего, ошибка Тургенева в дате первой встречи с Ничипоренко и в датировке адреса Александру II не была случайной: отодвигая визит молодых революционеров на год назад, он отодвигал на год и события, при которых он состоялся, — не после, а до обнародования Манифеста 19 февраля. Не после, а до расхождения с «лондонскими пропагандистами». Помимо всего прочего, летом 1860 года Тургенева в России не было, он выехал из Петербурга в Париж 24 апреля (8 мая) 1860 и вновь оказался на родине лишь через год — 30 апреля (12 мая) 1861 года.

Отвечая на вопросы следственной комиссии о своих связях с «лондонскими пропагандистами», Тургенев совершенно откровенно высказал свой взгляд на эволюцию Герцена в начале 1860-х годов. «Теряя более и более понимание действительных нужд и потребностей России, которую он, впрочем, никогда хорошо не знал, — писал Тургенев, — увлекаясь более и более старыми предубеждениями и новыми страстями, враждуя с правительством даже в таком святом деле, каково было освобождение крестьян, подчинившись наконец тем самым учениям, от которых здравый смысл отводил его некогда, Герцен перестал отрицать и начал проповедывать — преувеличенно, шумно, как обыкновенно проповедуют скептики, решившиеся сделаться фанатиками. <...> Герцен, сделавшийся республиканцем и социалистом, <...> подпавший под влияние Огарева, не имел уже решительно ничего общего ни с одним здравомыслящим русским, не разделяющим народа от царя, честной любви к разумной свободе от убеждения в необходимости монархического начала» (П 5, 311). Узнав о показаниях Тургенева, Герцен печатно обвинил его в «предательстве» и называет на страницах «Колокола» «седовласой Магдалиной (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, белых волос и зубов, мучась, что государь еще не знает о постигнувшем ее раскаянии, в силу которого „она прервала все связи с друзьями юности“». ⁵⁹

Тургенев, однако, не кривил душой, хотя говорил не все, что знал. В отличие от кабинетных революционеров, он понимал, что их мечты противоречат объективному положению дел. Недаром главным пунктом его расхождения с Герценом стало восприятие последним русского народа как носителя каких-то особых качеств и революционных устремлений. Отвечая на герценовские «Концы и начала» (цикл статей в «Колоколе», который печатался в виде писем к Тургеневу с 19 июня (1 июля) 1862 года), Тургенев писал 26 сентября (8 октября): «Вы же, господа, <...> немецким процессом мышления (как славянофилы) абстрагируя из едва понятой и понятной субстанции народа те принципы, на которых вы предполагаете, что он построит свою жизнь — кружитесь в тумане — и, что всего важнее, в сущности *отрекаетесь от революции* — потому что народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор *par excellence* (по преимуществу (*фр.*)) — и даже носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленом тулупе, теплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. № 53. Л. 62 об.

⁵⁹ Колокол. 1864. 15 янв. Л. 177. Статья Герцена первоначально опубликована без подписи в разделе «Смесь» под заголовком «Сплетни»; см. также: Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 35. Тургенев был оскорблен. 21 марта (2 апреля) 1864 года он писал Герцену: «...я не полагал, что ты <...> пустишь грязью в человека, которого знал чуть не двадцать лет, потому только, что он разошелся с тобою в убеждениях» (П 5, 292).

брюхом и отвращением ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности — что далеко оставит за собою все метко верные черты, которыми ты изобразил западную буржуазию в своих письмах» (П 5, 113).⁶⁰ Желая поначалу отвечать Герцену в «Колоколе», Тургенев, получив предостережение от верных людей, не стал делать это, дав волю мысли и чувству в личных письмах к Герцену. Продолжил он полемику со старым товарищем позже в романе «Дым», но не случайно первый набросок замысла романа, как уже говорилось, находится в той же тетради, что и «Проект адреса» Александру II. Время действия его обозначено четко: 1862 год.

Столкнувшись с ожесточенной критикой романа «Отцы и дети», вышедшего в февральском номере «Русского вестника» за 1862 год, писатель надолго забудет дорогу домой, приняв решение поселиться вместе с семьей Виардо в Баден-Бадене и оставить литературные занятия. Весь 1863 год он проведет за границей. В России Тургенев окажется лишь в январе 1864 года, на несколько лет потеряв из виду своего знакомого Артура Бенни. Бенни же застрянет в России, где продолжит свою кипучую деятельность, как правило, не слишком успешную: будет сотрудничать в русских газетах и журналах, организовывать подпольную типографию, примет участие в тушении майских пожаров 1862 года в Петербурге и даже предложит создать пожарные команды, попытается заняться проблемами женского труда и станет одним из устроителей так называемой Слепцовской (Знаменской) коммуны (она и станет предметом сатирического изображения в романе Лескова «Некуда»), сделает попытку устроить побег Чернышевского, попробует влиться в польское восстание и собрать русский легион, который выступил бы на стороне повстанцев, вновь будет обвинен в шпионаже и отстранен от польских дел. Покинет Бенни Россию только после того, как в октябре 1865 года по постановлению Правительствующего Сената будет навсегда выслан за пределы империи. Узнав, что Тургенев поселился в Баден-Бадене, Бенни обратился к нему за помощью и получил ее.

В сохранившемся письме от 11 января 1866 года из Фрайбурга-им-Брайсгау (Германия) Бенни писал: «Только сегодня я узнал, что Вы живете в Баден-Бадене, Иван Сергеевич, и, как видите, не теряю времени, чтоб Вас слегка эксплуатировать. Дело в том, что со времени моего принужденного выезда из России слоняюсь более или менее по Европе, перебиваясь кое-как пописыванием то в русских, то в немецких журналах: существование, как видите, не особенно отрадное. В Женеву, где русские семейства, следовательно и уроков много, мне не хочется ехать, так как я разорвал с Алекс<андром> Ивановичем <Герценом>. — Н. Г.> и его лагерем. Пришла мне мысль попробовать счастья в Баден-Бадене, а потому я Вам буду крайне обязан, если Вы мне сообщите, стоит ли мне, по Вашему мнению, приехать в Бад<ен>-Баден в надежде, что там найду уроки русского, английск<ого>, немецк<ого> и франц<узского> языков и обыкновенных предметов гимназического курса или какую-нибудь секретарскую или другую подходящую работу. Из Фрейбурга я уезжаю в воскресенье и потому прошу Вас ответить мне как можно скорее; нельзя ли бы хоть сейчас по получении моего, так что Ваш ответ дошел бы

⁶⁰ Полемика достигла апогея в письме Тургенева от 21 ноября (3 декабря) 1862 года, где были изложены пункты основных разногласий с Огаревым и его проповедью «старинных социалистических теорий об общей собственности и т. д.». Тургенев упрекал друга Герцена в «непонимании народной жизни и современных ее потребностей» и делал вывод: «„Колокол“ гораздо менее читается с тех пор, как в нем стал первенствовать Огарев» — эта фраза стала в России тем, что в Англии называется а truism. И это понятно: публике, читающей в России „Колокол“, не до социализма: она нуждается в той критике, в той чисто политической агитации, от которой ты отступил, сам надломив свой меч» (П 5, 132).

до меня еще в субботу? / Ваш Ар. Бенни». ⁶¹ Это письмо, последнее из известных трех, разумеется, не осталось без ответа, хотя он не дошел до нас. Очевидно, была и встреча, даже не одна, но сведений о них не сохранилось. В том, что Тургенев оказал Бенни посильную помощь, сомневаться не приходится (не в правилах Тургенева было отказывать в помощи), о чем свидетельствует и последний эпизод их отношений.

9 (21) октября 1867 года Тургенев обратился к П. В. Анненкову с письмом, явно предназначенным для чтения третьими лицами. Это был обычный прием, применяемый друзьями в наиболее щекотливых случаях. Случай с Бенни был именно таким, особенно если вспомнить, что писатель и сам не так давно привлекался по «делу 32-х». Анненков должен был передать начальнику III Отделения и шефу жандармов П. А. Шувалову письмо от Бенни, в котором содержалась просьба о предоставлении ему российского гражданства. Писал Тургенев о том, что Бенни возбудил его участие своим «нелицемерным желанием загладить свои прошлые, в сущности неважные юношеские увлечения — действительным и усердным служением России, которую одну он признает своим отечеством и вне которой ему решительно не живется» (П 8, 51). Напоминая, что недавно преступнику Кельсиеву была оказана милость «нашим добрым царем», Тургенев сообщал, что Бенни ободрился этим известием, поскольку сам был осужден за недоведение до сведения правительства приезда в Петербург этого самого Кельсиева. «Жизнь Бенни, — писал Тургенев, — действительно тяжела: здешние наши *réfugiés* (изгнанники (*фр.*)) и поляки отворачиваются от него с негодованием — да и он сам избегает их — не имея уже ничего с ними общего, — а доступ в Россию ему запрещен» (П 8, 51–52). Ручаясь за «совершенную надежность и благонамеренность» Бенни, Тургенев выражал уверенность в том, что Бенни «всей своей будущей полезной деятельностью докажет свою благодарность», и просил друга передать письмо Шувалову через близкое к нему лицо (имея в виду, конечно, брата своего корреспондента, петербургского обер-полицмейстера, генерала И. В. Анненкова) в подходящий момент. Анненков вскоре выполнил просьбу Тургенева, передав Шувалову через брата не только письмо Бенни, но и письмо Тургенева (как и предполагалось), а также свое собственное, где поручился за несчастного поляка и даже выражал готовность лично сообщить подробные сведения о личности просителя. ⁶² Дело с рассмотрением просьбы Бенни несколько затянулось, Шувалов затребовал разъяснений, чем собирается заняться проситель, Анненкову пришлось, по-видимому через Тургенева, просить сведений у Бенни и составлять новую записку, на которой и появилась роковая для Бенни помета: «Повременить впредь до востребования. 24 ноября» и приписка внизу: «Умер». 22 октября (3 ноября) Бенни был уже ранен. Умер же он в конце декабря 1867 года (н. ст.).

Характерно, что Тургенев в сопроводительном письме к Анненкову просил прислать ответ на свой адрес в Баден-Баден, хотя Бенни там не живет, но «я всегда буду знать, куда ему доставлять письма». Из сказанного можно заключить, что Бенни и Тургенев нередко общались в это время. К сожалению, письма Анненкова к Тургеневу за этот период не сохранились, они почти наверняка были уничтожены писателем по просьбе друга. Многие баденские письма пропали при переезде в Париж. И уж совершенно точно, Анненков сразу сообщил Тургеневу, что надежды на положительное решение вопроса почти нет. Тогда Бенни в поисках работы обратился к Герцену, который пере-

⁶¹ ИРЛИ. № 5769. Л. 5–5 об. Впервые: *Рейсер С.* Новые материалы о Бенни. С. 141–142.

⁶² Это письмо Анненкова, как и остальные документы по данному эпизоду, впервые были опубликованы в кн.: *Рейсер С.* Артур Бенни. С. 75–82.

поручил хлопоты о нем сыну и Мальвиде Мейзенбуг.⁶³ Так Бенни оказался в гарибальдийском отряде, идущем на Рим. Но и получив сведения о его пленении и ранении (от него самого), Герцен сначала легкомысленно отозвался об этом как об очередной неудаче неугомонного поляка. «Спешу уведомить о благополучном прибытии Вормса, — писал он Огареву 2 (14) ноября 1867 года, — что не помешало милейшему Бени попасть в тюрьму, да еще в поповские лапы, и получить, будучи зрителем, un coup de poêle (пулевое ранение (искаж. фр.)), как говорила какая-то барыня. Вот совок — да неловок. Он потерял чемодан и все вещи. Вероятно, его, как корреспондента, пустят».⁶⁴

Первое из известных свидетельств о смерти Бенни, и кажется, из уст очевидца, получил Тургенев, писавший Анненкову 24 января (5 февраля) 1868 года: «Кстати о бедном Бенни. Оказывается, что он попал в кашу по совершенной случайности; написал на листе бумаги крупными буквами: „иностранец и турист“ и показывал папским зуавам, а они, приняв этот лист за прокламацию, выстрелили по нем и перебили ему руку. Рану дурно лечили, и он умер» (П 8, 106).⁶⁵ А 7 (19) февраля 1868 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось и официальное сообщение о смерти Бенни,⁶⁶ которое писатель выразительно назвал «пинком ногою» (П 8, 129; письмо к П. В. Анненкову от 14 (26) февраля 1868 года). В открытом письме к редактору газеты В. Ф. Коршу от 14 (26) февраля Тургенев возмущенно писал: «Смею Вас уверить, что Бенни заслуживал более сочувственного напутствия или хотя сострадательного молчания. Он приехал в Россию лет десять тому назад, с возбужденными, неясными надеждами, с верою в несбыточные идеалы. Он был очень молод тогда, не знал ни людей, ни жизни, и вынес из второй своей родины, Англии, известного рода привычки и приемы публичной политической деятельности, которые не могли не возбудить у нас недоверия, недоумения, даже опасений. Пишущий эти строки имел случай на деле убедиться, до какой степени эти опасения были несправедливы. Высланный за границу по распоряжению правительства, отрезвленный опытом, Бенни в последнее время только мечтал о том, как бы выхлопотать позволение вернуться в Россию, которую он полюбил искренно и глубоко — и посвятить себя полезной и скромной деятельности присяжного поверенного. Рана, от которой он умер и которую получил совершенно случайно под Ментаной (он выехал из Рима туристом, в коляске — и попал под «чудотворную» пулю папского зуава), — эта рана была одним и последним из многочисленных ударов, которыми столь

⁶³ 16 (28) октября 1867 года он писал из Ниццы: «Вчера я получил письмо от Артура Бенни (бывшего Дантона в проекте с Алжирской улицы, № 4) — он в Женеве и на днях явится во Флоренцию. Вы знаете, что он дулся на меня с 1861 г. — хотя я поступал так, как должен был поступать всякий серьезный человек. Я никогда не подозревал его, но и не имел особого желания поручиться за все то, что он делал тогда в России. Теперь он хочет получить несколько писем, чтоб облегчить себе корреспонденцию. Дело в том, что „Spectator“ и „Fortnightly review“ предложили ему писать корреспонденции. Я полагаю, вы могли немного помочь ему, особенно Мальвида, а я ведь почти никого не знаю» (Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 29. Кн. 1. С. 218; подлинник по-французски). Насмешливое прозвище «Дантон в проекте» (Danton en herbe) намекает на прежние яковинские убеждения Бенни.

⁶⁴ Там же. С. 231–232. «Поповские лапы» в данном случае означают папские войска.

⁶⁵ Эта версия почему-то показалась Рейсеру «довольно фантастической». См.: Рейсер С. Артур Бенни. С. 85.

⁶⁶ В некрологической заметке об «английском подданном» Бенни говорилось: «Владея хорошо русским языком, г. Бени участвовал в некоторых наших периодических изданиях — „Русской речи“, „Северной пчеле“, „Книжном вестнике“. О нем ходило много толков, так как никто не знал, зачем он приезжал в Россию. Некоторые из этих толков были неблагоприятны для него, и люди осторожные сторонились от г. Бени. Нам сообщают теперь, что в последнюю римскую кампанию он поступил в отряд гарибальдийцев и убит при Ментане» (Санкт-Петербургские ведомости. 1868. 7 (19) фев. № 37. С. 2).

щедро наделила его судьба во все продолжение его, поистине злополучной, жизни. Неужели же эта злая судьба будет преследовать его и в могиле? Память о нем — и то у весьма немногих знакомых — вот все, что осталось от бедного энтузиаста. Она — его единственное достояние, если только можно употребить подобное выражение, когда речь идет о мертвеце. Зная свойственное вам беспристрастие, я не сомневаюсь, что вы не откажетесь содействовать по сильной защите этого достояния».⁶⁷

18 февраля (1 марта) 1868 года откликнулся на смерть Бенни и Герцен. Его краткая заметка «Arthur Beni» появилась в разделе «Faits divers» («Смесь») пятого номера газеты «Колокол», который с 1 января 1868 года начал выходить на французском языке и стал называться «Kolokol (La Cloche)». Это уже был не тот боевой листок, одно упоминание которого вызывало прилив энтузиазма у одних и панический страх у других. За время, прошедшее с 1862 года, газета растеряла свое влияние, читателей и корреспондентов.⁶⁸ А новым читателям уже было не интересно, что за Arthur Beni умер в каком-то итальянском госпитале. Характерно, что Герцен, ранее широко пользовавшийся частной перепиской, на этот раз откликнулся на официальное сообщение русской прессы: «„Петербургские ведомости“ от 7/19 февраля извещают о кончине Бени, убитого в сражении у Ментаны в рядах гарибальдийцев. Известие неточное, — но что, к несчастью, верно, — он был тяжело ранен в руку. / А. Бени находился в лагере Гарибальди в качестве корреспондента двух лондонских газет. Получив ранение, он был отправлен в Рим. Дней через двадцать *после* сражения он послал нам из Флоренции письмо; письмо это было написано им левой рукой, и написано превосходно. Он сообщил нам, что ожидает операции. Если Бени скончался, то, значит, после этой операции. / Ввиду намеков, содержащихся в упомянутой статье „Петербургских ведомостей“, мы считаем своим долгом заявить, что все недоразумения, существовавшие между А. Бени и нами, полностью рассеялись».⁶⁹

Тургенев, как и Герцен, тоже получил от Бенни последнее письмо накануне операции (оба остаются неизвестными), сведения о нем содержатся в письме Тургенева к В. Рольстону от 1 (13) марта 1868 года. Из этого же письма становится ясным, что Бенни не только был посредником между Рольстоном и Тургеневым, но и имел собственные «планы перевода русских сочинений», которые ему не удалось осуществить.⁷⁰ Таким образом, у Тургенева были боль-

⁶⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1868. 23 фев. (6 марта). № 52. С. 1. См. также: П 8, 127–128 (с незначительными неточностями). Письмо Тургенева сопровождалось заметкой от редакции: «Читатели, быть может, не забыли, что извещая о кончине Бени, мы не взяли на себя произнести решительное суждение о нем как общественном деятеле и сослались на доходявшие до нас противоречивые о нем сведения. Мы сами не знали покойного лично и только слышали о нем от людей, которым привыкли доверять. Эти люди могли, конечно, ошибаться в своем мнении о приезде иностранца, и мы первые сердечно рады, что уважаемый нами писатель выводит нас, своим честным вмешательством, из особенно прискорбной в подобных случаях неизвестности».

⁶⁸ Французский «Колокол» протянул лишь год и прекратил свое существование, а еще через год состоялась еще одна попытка возродить этот бывший революционный орган, но сделана она была в 1870 году, уже после смерти Герцена, Огаревым и... С. Г. Нечаевым, но и она оказалась неудачной и ограничилась шестью номерами.

⁶⁹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 20. Кн. 1. С. 132–133 (подлинник по-французски).

⁷⁰ «Смерть Артура Бени, нашего посредника, который так печально погиб вследствие ранения, полученного в сражении при Ментане, причинила мне глубокую скорбь. Я как раз добивался для него разрешения вернуться в Россию — он был полон надежд, когда я его видел в последний раз, — теперь все это исчезло в могиле. Я получил от него письмо, написанное левой рукой и помеченное одной римской больницей — накануне ампутации: с тех пор не знаю никаких подробностей; если вы смогли бы мне их сообщить, я был бы вам очень признателен. / Планы перевода русских сочинений, которые намечал Бенни, — также исчезли вместе с ним; но я надеюсь, что интерес, который вы питали к нашей литературе, не уменьшился» (П 8, 143, 245; подлинник по-французски).

шие виды на Бенни, он собирался включить его в то многолетнее и успешное дело пропаганды русской литературы за рубежом, которое осуществлял сам.

Откликаясь на призыв Тургенева, Лесков написал свой очерк «Загадочный человек», напечатанный впервые без подписи в газете «Биржевые ведомости» в 1870 году. Выпуская очерк отдельным изданием в 1871 году, Лесков предпослал ему письмо к Тургеневу, помеченное июнем того же года. В нем читаем: «Я, весьма вероятно, не решился бы написать этого очерка, если бы Вы первый не подняли своего голоса в защиту молодого человека, злополучные приключения которого здесь рассказаны. Ваш почин в этом деле дал мне мысль и возможность несколько подробнее опровергнуть злостные клеветы, преследовавшие Артура Бенни при его жизни и не пощадившие его в некрологе, напечатанном после его смерти».⁷¹ Из письма следует, что Тургенев не только подтолкнул Лескова к написанию очерка о Бенни, но и сделал ему письменно несколько «указаний на прежние промахи и ошибки», допущенные в первой публикации, которые автор учел в отдельном издании. Сам же очерк, со слов Лескова, Тургенев назвал «делом хорошим и честным».⁷² К сожалению, никаких сведений о письме Тургенева, упомянутом Лесковым, пока не обнаружено, хотя косвенно такое заключение можно сделать из письма Тургенева к Я. П. Полонскому от 4 (16) апреля 1870 года. Накануне Полонский и Анненков сообщили о выходе очерка Лескова в «Биржевых ведомостях», и Тургенев просил обоих прислать ему вырезки. Оба выполнили просьбу. «Статья очень любопытная, — писал Тургенев, — хотя не без недомолвок и неточностей. Бенни, напр<имер>, вовсе не так умер, как рассказывает Стебницкий» (П 10, 172).

Подводя итоги нашего исследования, скажем, что к уже изложенным аргументам в пользу передатировки «Проекта адреса» Александру II — август 1861 вместо 1860 года, указанного самим Тургеневым, — необходимо добавить следующее: в адресе недвусмысленно говорится об отмене крепостного права как о совершившемся факте. Рекомендовать царю новые меры, не дождавшись ни самого Манифеста, ни Положения, было бы преждевременным и бессмысленным. Называя время написания адреса «смутным», Тургенев имел в виду революционную ситуацию в России, сложившуюся к августу 1861-го, когда во многих губерниях начались крестьянские волнения, оживилось студенческое движение, оружием пришлось подавлять манифестации в Царстве Польском. О 1860 годе этого сказать было нельзя.⁷³

Все факты, в том числе единственное сохранившееся письмо Герцена к Бенни, указывают на то, что был не один, тургеневский, адрес на имя государя, под которым Бенни и его товарищ Ничипоренко собирали подписи, а два. Один, написанный Бенни и Ничипоренко, другой — Тургеневым. Обещание же Тургенева составить новый адрес, прозвучавшее в письме от 26 сентября (8 октября) 1862 года к В. Ф. Лугину, следует признать неосуществленным.⁷⁴

⁷¹ Лесков Н. С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 7.

⁷² Там же.

⁷³ Впервые передатировка документа предложена в: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862). С. 499–501.

⁷⁴ Попытку связать документ, сохранившийся в бумагах Тургенева в Париже, и тот, что был описан Мазоном как «коллективное письмо», с замыслом писателя вернуться к проекту адреса Александру II, следует признать неудачной. См.: Mazon A. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. P. 105. Здесь читаем: «95. М. 34. — Письмо к Александру II. Два листка тонкой голубой бумаги размером 271 × 222 миллиметра. Нотариальный номер отсутствует. / Коллективное письмо к Александру II, призывающее к созыву Земского собора. Без даты и подписи. Документ написан печатными буквами в устаревшей манере («en caractères d'impression de style archaïque»), как будто для того, чтобы скрыть почерк автора — не Тургенева». Что имел

Вот что писал Тургенев Лугинину, возвращая огаревский адрес, переданный ему для обсуждения и дополнения: «Вы увидите, что я не сделал никаких изменений: по зрелом соображении я нашел, что мне предстояло почти весь адрес переделать, на что я, разумеется, не имел никакого права» (П 5, 110).⁷⁵ Напоминая о разногласиях с Огаревым, Тургенев по пунктам сформулировал свои замечания и просил Лугинина сообщить их в Лондон. Вкратце суть этих замечаний сводилась к следующему: текст адреса «наполнен фактическими неверностями во всем» и представляет «обвинительный акт против „Положения“ — а с „Положения“ начинается новая эра России». Второе: дипломатические уловки, присутствующие в тексте с целью привлечь как можно больше подписей «крепостников», — недобросовестны: «Мы держимся только принципами и ясным и честным высказыванием их. Такая дипломатия никуда не годится». Третье: не будет этот адрес понят и крестьянами, которые «по справедливости увидят в нем новое нападение дворянства на освобождение <...> а мысль о Земском Собрании не утешит его ни на волос, если даже не испугает его». Одновременно Тургенев бросал упрек и Бакунину, и самому Герцену в недооценке роли «образованного класса» и в переоценке «революционных или реформаторских начал» в народе. Опровержение тезисов огаревского адреса Тургенев продолжит в письме того же дня к самому Герцену. Из письма же к Лугинину главным представляется несогласие Тургенева с критикой самого Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости («с „Положения“ начинается новая эра России»), а следовательно, и осуществляемого «сверху» процесса, которому надлежало помогать, а не препятствовать, возбуждая в народе несбыточные надежды.

Характерно, что Тургенев отмечает несвоевременность адреса, составленного в Лондоне: «Вообще весь адрес как бы написан задним числом; он отстал на целый год и едва ли найдет где-нибудь действительный отголосок <...>» (П 5, 111). Год назад был как раз 1861-й, когда еще можно было пробовать остановить процесс. Теперь же, после массовых крестьянских и студенческих волнений, после майских пожаров 1862 года, после начавшихся правительственных репрессий (закрытие университетов, подавление выступлений в России и Польше, прекращение журналов, многочисленные аресты и возбужденные политические процессы) время для предложений было упущено. Тем не менее Тургенев пишет Лугинину из Баден-Бадена: «Я должен Вам признаться, что я сам ношусь с мыслью адреса и полагаю со-

в виду Мазон под «устаревшей манерой», сказать трудно. Теперь, когда появилась возможность близко разглядеть этот документ на сайте Bibliothèque nationale, ясно, что не очень грамотный переписчик не старался скрыть свой почерк, — документ, очевидно, готовился к передаче в типографию. Ни Мазон, ни Рейсер не знали, что именно об этом документе шла речь в письмах Тургенева к Лугинину и Герцену, хотя к этому времени документ уже был опубликован в сборнике: Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену / С объяснит. прим. М. Драгоманова. Женева, 1892. С. 155–159. Впрочем, Рейсер и не мог опознать документ, поскольку не видел его. Впервые точная отсылка была сделана лишь в первом издании Полного собрания сочинений и писем Тургенева. Речь шла об адресе Александру II, составленном Огаревым (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. Письма. Т. 5. С. 514 (прим. А. И. Батюто)). При реконструкции кратко охарактеризованного А. Мазоном (см. ниже) документа, который оказался адресом, написанным Н. П. Огаревым и одобренным Герценом, Рейсера ввели в заблуждения два факта: письмо Тургенева к Лугинину (1834–1911), человеку, близкому в то время Герцену, одному из основателей в 1861 году центра тогдашней революционной молодежи, Гейдельбергской читальни, и упоминание в описании Мазона указанного выше адреса Александру II, который Рейсер ошибочно принял за документ, если не составленный Тургеневым, то близкий по содержанию к тому проекту, с которым Тургенев «носился в 1862 году» (*Рейсер А. А.* Артур Бенни. С. 29).

⁷⁵ Обратим внимание на то, что, возвращая адрес, Тургенев, очевидно, получил доработанный его вариант, который и сохранился в его бумагах.

ставить его в Париже» (П 5, 111).⁷⁶ Однако никаких следов этого замысла в бумагах Тургенева не сохранилось, да и вряд ли он был осуществлен.⁷⁷ «Нечего и говорить, — продолжал Тургенев, — что я сообщу мой проект в Лондон» (П 5, 111–112). Как видим, решительно отказываясь подписать или вносить поправки в адрес, составленный в Лондоне, Тургенев еще не отказывается от сотрудничества с вольной русской печатью и даже излагает вкратце программу будущего адреса: «Признав великое благо, основанное „Положением“, указать на необходимость некоторых дополнений и улучшений — а главное, на настоятельную потребность привести весь остальной состав русского государства в гармонию с совершившимся переворотом — и для этого, раскрыв беспощадной рукой все безобразия нашей администрации, суда, финансов и т. д., требовать созвания Земского Собора, как единого спасения России — одним словом, доказать правительству, что оно должно продолжать дело, *им начатое*» (П 5, 112). По сравнению с содержанием дошедшего до нас документа в этой новой программе возникает идея Земского Собора, которой были особенно озабочены Огарев и Бакунин. Осознавая утопичность подобного проекта в ближайшем будущем, Тургенев прямо говорит о том, что правительство «не примет подобного адреса — и даже будет готово наказать подписавшихся», однако видит смысл предпринимаемых усилий как со стороны лондонских изгнанников, так и со своей собственной в том, что они послужат «для возбуждения общественного мнения — и, по крайней мере, всякий будет в состоянии пристать к нему, не изменяя своим убеждениям и не скрывая их» (П 5, 112). В письме к Герцену того же дня писатель еще раз возвращается к теме Земского Собора, оспаривая высказанное Бакуниным в статье «Романов, Пугачев или Пестель?» предсказание: «В 1863-м году быть в России страшной беде, если царь не решит созвать все-народную Земскую думу». И предлагает пари: «...я утверждаю, что царь ничего не созывает — и 1863-й год пройдет *преувеличенно тихо*» (П 5, 114). Чаяния Тургенева о *преувеличенно тихом* течении 1863 года сбылись, что называется, с точностью до наоборот: уже 10 (22) января в Польше вспыхнуло восстание, вылившееся в настоящие боевые действия. В новых условиях было уже не до адресов и не до созыва Земского Собора.

Наконец, возвращаясь к списку поляков, занесенному Тургеневым после «Проекта адреса» Александру II, выскажем предположение, что он был записан не в 1861-м, а в 1863 году, когда судьба польского восстания была уже решена. Послуживший отправной точкой для кардинального расхождения Тургенева и Герцена, «польский вопрос» разделил русское общество на две неравные части — основную и сравнительно немногочисленную группу революционно настроенных людей, желавших кратчайшим путем добиться радикальных изменений существующего общественно-политического строя. Предсказанный Тургеневым в письме к Е. Ламберт трагический поворот этого предприятия как для Польши, так и для России полностью подтвердился. Он вызвал бесчисленные жертвы и усиление реакции, что не могло не затормозить ход осуществляемых в стране реформ. А трагическая судьба Артура Бенни, оказавшегося на перекрестке противоположных течений русской жизни, лишь подтвердила правоту Тургенева.

⁷⁶ В комментариях к этому фрагменту письма дается ссылка на «Проект адреса», составленный Тургеневым, как мы пытались показать, в августе 1861 года, однако эта отсылка в данном случае не представляется корректной (см.: П 5, 460).

⁷⁷ Не исключено, что писатель собирался вернуться к уже написанному адресу, черновик которого у него был.